

Отзыв

официального оппонента о диссертации Дударевой Марианны Андреевны «Танатология в русской литературе XIX – начала XX века: от фольклорных источников к индивидуальному осмыслению», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

На современном этапе развития литературоведения, когда на первый план выступают проблемы национальной идентичности русской литературы, специфики ее образного и идейного содержания, возникает закономерная необходимость осмысления связей литературы и фольклора. Раскрытие сложных, исторически обусловленных закономерностей обращения литературы к устному народному творчеству, определение динамики этих связей, а также конкретного содержания фольклоризма в творчестве того или иного писателя (поэта, драматурга) становятся одними из важнейших задач отечественной науки о литературе. В этой связи обращение к изучению танатологических мотивов в русской литературе сквозь призму фольклорной эстетики весьма актуально. Отметим, что мотив смерти является одним из наиболее сложных в фольклоре, поскольку транслирует не столько финал человеческой жизни, сколько возможность существования личности в ином, инобытийном, пространстве. Являясь «индикатором человеческой аутентичности» (А. В. Демичева), смерть, безусловно, может выступать и индикатором художественной уникальности (дисс., с. 10).

В этом контексте обращение диссертанта к проблеме научного осмысления взаимосвязи художественной танатологии и фольклорной эстетики, выявление особенностей трансформации и преломления фольклорной традиции в индивидуальном творчестве писателей XIX – начала XX вв. представляется нам вполне оправданным и закономерным. Актуальность избранной диссертантом темы не вызывает сомнений: изучение особенностей функционирования танатологического мотивного комплекса в литературном процессе определенного историко-литературного

периода, с одной стороны, дает возможность всесторонне изучить модификации фольклорного танатоса (И. Н. Райкова) в русской литературе и определить влияние феномена смерти на идейно-художественную составляющую литературного текста конкретного автора, а с другой – позволяет расширить представление о генеалогии русской литературы.

Подчеркнем, что диссертация М. А. Дударевой представляет собой первое монографическое исследование общих принципов проявления танатологического комплекса в художественном творчестве писателей и поэтов XIX – первой половины XX столетия.

Научная новизна диссертации заключается в том, что ее автор, основываясь на подходах к исследованию особенностей танатопэтики, реализуемых в работах отечественных ученых (И. П. Смирнова, Д. Г. Гачева, Р. Л. Красильникова и др.), выявляет фольклорные коды, несущие в себе танатологическую идею, «эксплицитно и имплицитно органически вошедшие в эстетику и поэтику русской литературы XIX – начала XX века» (дисс., с. 10); рассматривает сюжетобразующую роль эйдологии смерти в поэтике авторов, принадлежащих к различным литературным направлениям; изучает латентный характер фольклорных форм в поэтической системе А. С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А. П. Чехова, И. А. Бунина, С. Есенина, В. Маяковского; выявляет особенности их литературного диалога с фольклорной традицией.

Важен в диссертации и комплексный подход, основанный на синтезе структурно-типологического, сравнительного, биографического, герменевтико-интерпретационного методов (дисс., с. 17). Следует подчеркнуть, что подобный подход вполне оправдан при изучении вопросов генезиса и диалогических взаимосвязей художественного творчества и фольклора. Однако, возникает вопрос: насколько оправданно использование, как указывает диссертант, «монографического анализа» конкретных произведений, который подразумевает под собой целостный анализ художественного текста, учитывающий все составляющие категории поэтики?

В исследовательское же поле М. А. Дударевой попадает лишь ее отдельные стороны.

Несомненным достоинством настоящей диссертации является ее солидная, разнообразная и репрезентативная теоретико-методологическая база – от теоретических трудов в области изучения славянского фольклора и мифологии до философских работ, осмысливающих феномен смерти. Именно она, на наш взгляд, позволила диссертанту детально изучить танатологическую парадигму русской литературы обозначенного периода.

Структура диссертационного исследования вполне логична: она обусловлена особенностями самого объекта и предмета исследования и соответствует его цели и задачам. Главы диссертации отражают ключевые литературоведческие проблемы, сквозь призму которых наиболее ярко транслируются взаимосвязи писательских практик с фольклорной традицией. Нам видится справедливым, что первые параграфы каждой из шести глав содержат подробное рассмотрение предшествующего литературоведческого опыта в области изучения фольклорного контекста в творчестве того или иного писателя. Подобный подход исключает «загруженность» «Введения» и усиливает актуальность и новизну обозначенной в диссертационном исследовании проблемы.

Первая глава **«Трансформация фольклорных традиций в поэтике А. С. Пушкина: мортальные образы»** посвящена изучению танатологической проблематики в сказках А. С. Пушкина. М. А. Дударева выявляет эйдологию «иноного царства» в поэме-сказке «Руслан и Людмила»; анализирует ритуальный орнамент в «Сказке о царе Салтане»; рассматривает функции мотива «чудесного зачатия / рождения» в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях»; исследует фольклорные традиции и дожанровые образования в «Сказке о золотом петушке». В этой части работы диссертант подробно анализирует национальную топику, мифологемы пути пушкинских героев, символическую роль колористики, фольклорно-ритуальный контекст пушкинских текстов, а также выявляет особенности архетипических

построений сказочных образов, что позволяет исследователю прийти к убедительному выводу о латентных формах присутствия фольклорных элементов в творчестве А. С. Пушкина (дисс., с. 58). Рассмотренный танатологический подтекст пушкинских сказок, подробный фольклористический комментарий к ним дает возможность по-новому интерпретировать сказочные образы и мотивы известных произведений (дисс., с. 78–79).

Во второй главе **«Фольклорные традиции в прозе М. Ю. Лермонтова»** вызывает интерес нестандартный подход к пониманию и интерпретации ранней прозы писателя-классика, в частности, его неоконченного произведения «Вадим», где важное идейно-смысловое значение приобретают танатологические маркеры, объясняющие характер жизненного пути лермонтовских героев. В этой части работы заостряется внимание на сакральных припоминаниях персонажей, особой роли пейзажа, символике цвета, что позволят автору работы вписать жизненный путь Вадима в ритуальный, погребально-обрядовый комплекс. Интересным видятся и новые подходы исследователя к интерпретации образа Печорина. Анализируя специфику влияния как русской, так и кабардино-черкесской фольклорной традиции (осмысление роли песенного шифра, ритуального танца, маркированного пространства, композиционного построения и др.), М. А. Дударева объясняет особенности характера главного героя лермонтовского романа, определяя его как человека «порога», которому не удалось подняться до статуса «культурного героя» (дисс., с. 115).

Новый взгляд на Чехова-прозаика предложен в третьей главе диссертационного исследования **«Поэтика позднего А. П. Чехова: погребальный обрядовый комплекс»**, где подробно анализируются ритуальные маркеры (каменные бабы, образ тополя, сухой ветлы) повести «Степь»; выявляется символическая роль вертикальных констант и фитонимов в повести «В овраге»; рассматриваются ситуации поиска «иного царства» в рассказах «Ванька» и «Невеста». Отметим, что для доказательства

своих научных разысканий, диссертант обращается к достаточно широкому литературному контексту, намечая параллели между художественными поисками А. П. Чехова, В. Хлебникова, С. Есенина, новокрестьянскими поэтами.

Логичным видится нам переход от изучения роли фольклоризма в творчестве А. П. Чехова к осмыслению особенностей фольклорной эстетики в поэтике И. А. Бунина (**«Фольклорная традиция в прозе И. А. Бунина: художественная танатология»**). Здесь актуализируется внимание на особенностях функционирования топоса степь, связанного с иномирной действительностью, в раннем творчестве писателя (рассказы «На край света», «Перевал», «На чужой стороне», «Сосны»); детально осмысливается мифологема весны как календарного пограничья в рассказах «Чаша жизни» и «Несрочная весна»; изучается символическое пространство романа «Жизнь Арсеньева» сквозь призму фольклорной эстетики. Интересна, на наш взгляд, мысль исследователя о преодолении закрытых пространств героем бунинского романа (чердак, темная комната, вагон и т.п.) как некий выход из тупика (дисс., с. 220).

Масштабность проделанной работы М. А. Дударевой подтверждается разноаспектностью анализируемого художественного материала. В исследовательское поле попадает не только проза, но и поэзия. Пятая и шестая главы посвящены анализу танатологических фольклорных формул в творчестве С. Есенина (**«Эйдология “иного царства” в поэтике С. А. Есенина: трансформация фольклорной традиции»**) и В. Маяковского (**«Оборотность мира в поэтике в поэтике В. В. Маяковского: фольклорная традиция»**). Обратим внимание на то, что, если в предшествующих главах не всегда давалось объяснение влияния танатологического мотива на традиционное понимание героя (например, глава 2), то в финальных главах работы этому аспекту уделено большее внимания. Можно выделить подробный анализ символики погребальной обрядовости в поэмах С. Есенина «Пугачев» и «Черный человек». В первой – Пугачев рассматривается как

культурный герой, наделенный мудростью первопредков (глава 5, параграф 2.), во второй – подчеркивается роль «ритуального хаоса», раскрывающего космическую борьбу героя с его alter ego (дисс., с. 249).

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает последняя глава диссертации, посвященная изучению специфики фольклоризма в творчестве В. Маяковского: творчество поэта вводится в широкой историко-литературный контекст: рассматриваются его связи с поэтикой В. Хлебникова, С. Есенина, М. Цветаевой, А. П. Чехова, Э. Т. А. Гофмана и др.; выявляются особенности поэтического диалога как с русской, как и с грузинской фольклорной традицией. М. А. Дударева осмысливает символику жизни и смерти в поэмах «Флейта-позвоночник» и «Человек», а также рассматривает воплощение тотемистических верований в поздних поэмах В. Маяковского. Обращаясь к танатологическому комплексу при изучении его поэтики, соискатель особый акцент делает на зооморфных моделях тела, тем самым подчеркивая особое видение поэтом человека, воплощающего Новую эпоху.

Итак, диссертантом проделана значительная работа, цели и задачи, поставленные во введении, достигнуты, а положения, выносимые на защиту, получили полноценное подтверждение. В то же время диссертационное исследование М. А. Дударевой вызывает ряд вопросов, на наш взгляд, требующих уточнения и пояснения.

1. При подробном разьяснении необходимости изучения танатологического текста в русской литературе, диссертант не вполне убедительно обосновывает материал исследования. Возникает закономерный вопрос: почему после творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова образовывается огромная лакуна фактически в полстолетия, а лишь затем диссертант обращается к творчеству А. П. Чехова, И. А. Бунина и др.? Почему в исследовательское поле не попадает, например, творчество В. А. Жуковского, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, В. М. Гаршина и др. писателей-классиков, где также можно обнаружить

«генетические связи с фольклорной традицией» (дисс., с. 14)? Аналогичные вопросы возникают и с «набором» поэтов Серебряного века.

2. В ряду пояснений научной новизны диссертационного исследования значится: «Анализируется идейная, композиционная, сюжетообразующая роль танатологического мотивного комплекса одновременно в поэтике разных авторов, представляющих романтизм, реализм и модернизм» (дисс., с. 16). Однако в самой работе не актуализируются отличительные особенности, условно говоря, танатологического дискурса в разных литературных направлениях. Чем, например, романтическая традиция репрезентации танатоса и его взаимосвязи с фольклором отличается от реалистической и модернистской?

3. В диссертации рассматривается и поэзия, и проза, но при этом в объяснении разности / схожести воплощения литературного диалога с фольклорной традицией в текстах, принадлежащих разным литературным родам, нет ясности и четкости.

4. Требуется уточнения и круг «фольклорных истоков», на которые опирается диссертант. Исследователю интересна исключительно эйдология «иног царства» русской волшебной сказки, как это утверждается во Введении, или же другие жанры устного народного творчества также становятся значимыми в контексте исследования? Тогда возникает необходимость некоторого разъяснения отличительных особенностей в трансляции танатологических мотивов и образов в разных жанрах устного народного творчества. Что связывает, например, жанры быличек, обмираний, которые упоминаются в исследовании, и волшебную сказку?

5. Искренняя увлеченность диссертантом предметом своего исследования приводит к тому, что развитие русской литературы на протяжении почти столетия он стремится объяснить исключительно сквозь призму фольклора. Отсюда – ряд бездоказательных утверждений относительно литературных связей и влияний. Так, анализируя архетипическую семантику «лунного света» в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (дисс., с. 45), диссертант

утверждает: «Русская литература в лице М. Ю. Лермонтова восприняла этот тайный пушкинский код: бой Мцыри с барсом освещен лунным светом» (дисс., с. 45). В связи с этим совершенно не ясно, почему Лермонтов перенимает этот образ у Пушкина, а не напрямую из фольклорной традиции? Разве это не типичный романтический образ, восходящий к лейкистам или немецким романтикам? Насколько правомерно рассматривать «зевоту» Печорина во время напоминания Максима Максимовича о смерти Бэлы как некий «ритуальный образ», наделенный «космогоническими функциями» (дисс., с.101), и не является ли это лишь эгоистическим проявлением характера героя?

6. Рассматривая влияние танатологического комплекса на творчество того или иного писателя, автор диссертации, по сути, формулирует концепцию «нового» видения героя, отличную от устоявшегося толкования. При этом, как нам кажется, М. А. Дударева несколько упрощает традиционное идейно-художественное понимание, например, лермонтовского героя, утверждая, что «эйдология смерти позволяет увидеть в Печорине *не светского подлеца* (курсив наш – С.Г.), ломающего судьбы людей, а человека порога, который стремится преодолеть свои теньевые начала» (дисс., с. 325)?

7. Следует подчеркнуть, что наблюдения и выводы, представленные в работе, гораздо глубже тех утверждений, что транслируют выносимые на защиту положения. В структуре диссертации, как и автореферата, они выглядят не репрезентативно. При этом, первое положение (дисс., с. 18) можно рассматривать как новизну исследования, оно аксиоматично и не требует доказательства.

Впрочем, высказанные вопросы и замечания не влияют на общую положительную оценку докторской диссертации и свидетельствуют исключительно об интересе к самой проблеме и способах ее разрешения. Еще раз подчеркнем, что докторская диссертация М. А. Дударевой представляет собой самостоятельное, оригинальное, завершённое исследование, которое

свидетельствует о широком научном кругозоре автора, концептуальности мышления.

Материалы и результаты диссертации могут быть учтены в последующих научных разработках, посвященных исследованию связей литература и фольклора. **Достоверность** исследования обеспечивается использованием традиционных методов академического литературоведения, выбором наиболее репрезентативных художественных текстов, введенных в широкий историко-литературный контекст XIX – начала XX столетий. **Теоретическая и практическая значимость** работы также не вызывают сомнений: наблюдения, выводы и полученные результаты диссертационного исследования, несомненно, послужат основой для дальнейшего изучения танатологического комплекса в творчестве писателей рубежа XX–XXI вв., а также могут быть использованы в курсах истории отечественной литературы и фольклора на филологических факультетах университетов и педагогических вузов, при подготовке курсов по выбору, посвященных связям литературы и устного народного творчества.

Работа прошла серьезную **апробацию** на многочисленных конференциях, в опубликованных статьях и монографиях. Автореферат и научные публикации автора (в том числе 51 статья в изданиях из перечня ВАК и 5 статей в рецензируемых журналах, входящих в перечень Scopus/Wos) полностью отражают содержание и научную новизну исследования.

Диссертация М. А. Дударевой «Танатология в русской литературе XIX – начала XX века: от фольклорных источников к индивидуальному осмыслению» является самостоятельной научно-квалификационной работой, соответствует специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации и выполнена в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: п. 3 – История русской литературы XIX века (1800 – 1890-е годы), п. 4 – 4. История русской литературы XX века (1890-1920-е годы), п. 12 – Индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии, п. 26 –

Взаимодействие литературы с другими видами искусства и отвечает требованиям п. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней» ВАК, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в редакции Постановления Правительства РФ от в редакции от 11.09.2021 № 1539). Автор диссертации, Марианна Андреевна Дударева, безусловно, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарёва»
(430005, РМ, г. Саранск, ул. Большевикская,
д. 68, +7 (8342) 290568; sveta_gud@mail.ru)

Гудкова Светлана Петровна

11 марта 2024 г.

